

ПАМЯТЬ

Человек, спасший мир

В конце мая в Оберхаузене вспоминали советского офицера-ракетчика Станислава Петрова, который в 1983 году предотвратил ядерную войну и, по сути, спас человечество.

О том, как во вторую годовщину со дня смерти ему установили мемориальную доску, для «Д» рассказывает **Фемида Селимова**.

Фемида Селимова

Небольшой красивый парк в одном из административных районов Оберхаузена Остерфельде. Погода в этот день выдалась солнечная. Местный музыкальный ансамбль Siggí Prokein band исполняет любимые многими немцами шлягеры. В одном из них поется «...немного мира». Гости, среди которых дети Петрова, сын Дмитрий и дочь Елена, рассказывают на скамейках. Карл Шумахер на правах хозяина подходит к трибуне. Его сопровождает улыбающаяся девочка лет восьми — внучка Ханна.

Этого дня 68-летний немец, скромно называющий себя человеком, который всего лишь хотел поблагодарить «Человека спасшего мир», ждал с нетерпением. И вот он с волнением встает за трибуну, установленную рядом с мемориальной доской Петрову. Пока она покрыта белым покрытием и сверху аккуратно перевязана ленточкой в цветах российского триколора. В руках Шумахер держит несколько листов со своей речью и длинным списком людей, кому он сегодня хочет выразить свою признательность и благодарность за помощь. «Дорогие дамы и господа, — обращается Карл Шумахер, — значение решения Петрова неизмеримо, и вряд ли можно себе представить, насколько оно оказалось важным для человечества на самом деле. В ту ночь в 1983 году люди просто не знали, насколько они близки к ядерной катастрофе».

И действительно, в ту самую ночь с 25 на 26 сентября, о которой Шумахер уже долгие годы не устает напоминать окружающим, 44-летний подполковник Станислав Петров находился на дежурстве в командном пункте системы предупреждения ракет-

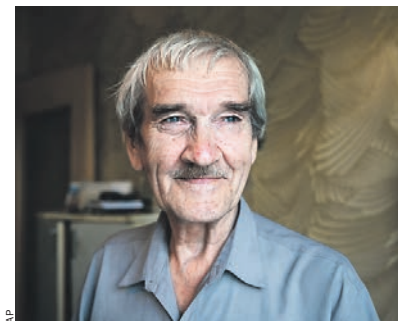

На самом деле Карл Шумахер открыл три мемориальных доски Станиславу Петрову: на немецком, русском и английском языках

ного нападения «Серпухов-15», что в 100 км от Москвы. На часах было 0:15, когда система раннего предупреждения «Око» сообщила о запуске в американском штате Монтана межконтинентальной баллистической ракеты, которая направлялась в сторону Советского Союза. Холодная война тогда вступила в горячую фазу. В смысле тогдашней логики сдерживания это

означало: тот, кто стреляет первым, умирает вторым! У офицера Петрова было меньше получаса на то, чтобы оценить обстановку и принять необходимые меры. Согласно инструкции, в случае ракетного нападения немедленно ставилось в известность руководство страны, которое и принимало решение об ответном ударе. Проанализировав ситуацию, спустя две минуты после сигнала Петров доложил вышестоящему руководству о ложной тревоге. Пока он звонил, система сообщила о втором запуске ракеты, вскоре после этого последовала

третья, четвертая, пятая тревоги... Однако Петров не стал впадать в панику и остался при своем решении. Через 18 минут зловещая напряженность спала. Мир был спасен от катастрофы. Петров оказался прав: тревога была ложной. Впоследствии расследование выявило, что предупреждающий сигнал тогда был вызван техническими проблемами. Солнечные лучи, отраженные от поверхности земли вблизи американской военной базы, системой раннего предупреждения были ошибочно идентифицированы как запущенные ракеты.

Станислав Петров. Фото сделано в августе 2015 года незадолго до смерти бывшего ракетчика

Карл Шумахер завершает свою речь и под громкие аплодисменты открывает памятную доску. К трибуне подходит друг его детства Гельмут Хонн. Он вспоминает, как они с Шумахером узнали о Станиславе Петрове. Это случилось летом 1998 года. Тогда два друга случайно обратили внимание на одну газетную публикацию. «Сначала было я подумал, что это газетная утка, — признается Хонн. — Но я тут же сказал себе: а что если это не так?» Шумахера же история о Петрове сильно потрясла, сомнений в ее подлинности у него не было. Он захотел поехать в Россию, чтобы взглянуть в глаза спасителю мира и лично поблагодарить его за предотвращение общечеловеческой трагедии. Немец стал искать адрес Петрова, а когда нашел, то попросил Гельмута, немного говорившего по-русски, полететь вместе с ним в Россию. В том же 1998 году холодным осенним вечером двое немцев постучали в деревянную дверь дома в подмосковном поселке Фрязино, где Петров проживал до конца своей жизни. Так возникла удивительная дружба русского с немцами. После того визита Шумахер пригласил Петрова к себе в Оберхаузен. Рассказывая о событиях той ночи, Петров говорил, что делал он только свою работу и не любил, когда его называли героем. «В конце концов, я не хотел быть виноватым в третьей мировой войне», — отшутился он однажды в интервью немецкой газете Die Welt.

Бургомистр Оберхаузена Стефания Опитц уверена, что история о советском подполковнике должна

передаваться дальше, так как сам он был важной частью конструкции холодной войны и одновременно его история стала важным напоминанием о хрупкости нашего мира. «Расскажите своим родным, знакомым, друзьям о том, что вы здесь видели и слышали сегодня, — обращается Опитц к собравшимся. — Чтобы те, кто еще не слышал о Петрове и о его судьбоносном для всего мира решении, могли задуматься, какую важную роль он сыграл и в их жизни».

Один из выступающих, конфликтолог из Ольденбурга Лео Энзель, который также приезжал во Фрязино, чтобы познакомиться с Петровым, недоумевает, почему советский подполковник не удостоился Нобелевской премии мира. «Почему эту историю нельзя найти в детских книгах для чтения? Она была бы предостережением для всего человечества и напоминанием ему о том, как далеко оно зашло в гонке вооружений», — говорит Энзель.

Что бы случилось, если бы в ту далекую ночь Петров повел себя иначе, поверив ошибке техники? Об этом, думаю, будет спрашивать себя каждый, кто, проходя мимо мемориальной доски в Оберхаузене, остановится и прочитает историю советско-

Возможно, о поступке русского офицера стоит вспомнить и его соотечественникам

го подполковника. Она написана на трех языках: русском, английском и немецком.

Карл Шумахер надеется, что примеру его родного Остерфельда последуют многие другие города, и не только в Германии. Напротив того места, где установлена памятная доска, расположен сад молодежной организации обменов One World. Это соседство Шумахер находит символическим.

Возможно, о поступке русского офицера стоит вспомнить и его соотечественникам?

КНИГИ

Мачеха российских городов

В своем монументальном труде Карл Шлэгель рассказывает величественную историю русского Берлина. **Лутц Лихтенберг** рассказывает для «Д» о книге «Русский Берлин» и ее главных героях.

Колоссальный исторический размах «Русского Берлина» Карла Шлэгеля явствует уже из истории книги. Этой весной вышло актуализированное, расширенное и дополненное издание труда немецкого историка. Издатель благодарно сохранил предисловие к первому изданию 1998 года. Как и сама книга, оно кажется бутылочной почтой истории, умным политическим комментарием на непосредственное российско-германское настоящее. «Впервые за прошедшие века чудовищных хитросплетений и конфликтов в отношениях между Германией и Россией не осталось реальных проблем, — начинает Шлэгель. — Германия воссоединилась. Советские войска выведены. Существующие границы получили окончательное признание. То, о чем поколения людей могли только мечтать, стало явью: отношения между двумя европейскими народами, за столетие сотворившими с собой столько чудовищных вещей, нормализовались. Германско-россий-

скую границу», центром постреволюционной русской диаспоры, «жизнью на чемоданах», миром сотен тысяч людей, которым удалось найти спасение за рубежом и которые наделись сразу после свержения большевизма вернуться на Родину: «Берлин был для них прибежищем, залом ожидания, территорией выживания, транзитным вокзалом, а какое-то время и экстерриториальным пространством, где вынужденные переселенцы могли встречаться с друзьями, коллегами, родственниками, оставшимися в СССР».

Историк, недавно получивший за другую работу («Советский век. Археология погибшего мира») премию Лейпцигской книжной ярмарки, рассказывает о вокзалах как местах, где творилась история, о советском посольстве на Унтер-ден-Линден и отношении Владимира Набокова к берлинским таксистам. Перед читателем проходит длинная вереница русских и немецких светил науки и художников: Шлэгель называет Берлин «проточным нагревателем интеллекта». Друг друга сменяют Александр Кожев, Энн Рид и Питирим Сорокин, граф Гарри Кесслер, Карл Радек и граф Фридрих фон дер Шуленбург.

Наиболее увлекательная из дополнительных глав последнего издания знакомит с историей Николая Бердяева, приехавшего в Берлин в 1922 году. Бердяев принадлежал к одной из групп, вынужденных эмигрировать из советской России: это были отборные интеллектуалы, ученые, активисты, в которых Ленин видел потенциальных лидеров политической оппозиции. В Берлине Бердяева принимали сотрудники Министерства иностранных дел, Немецкого Красного Креста, а также историк Отто Хётцш. Последнему Шлэгель посвящает отдельную главу. В начале века Хётцш стал одним из основоположников немецких восточных исследований, он призывал заниматься восточноевропейскими государствами ради укрепления понимания, хлопотал, чтобы ученые смогли выехать за рубеж и получить прибежище в Германии.

В Берлине Бердяев написал труд, принесший ему всемирную известность и за короткое время переведенный на 14 языков. «Новое Средневековье» создавалось в немецкой столице, где, как автор напишет в автобиографии, «тогда еще не чувствовалось абсолютного разрыва между русским зарубежьем и советской Россией... Были возможны литературные собрания, на которых присутствовали писатели эмигрантские и советские. Тогда еще существовала третья категория —

Написанная Карлом Шлэгелем (на фото) история «русского Берлина» стала поистине монументальным трудом

высланных». Именно на пространстве публичных дискуссий в русском Берлине, объясняет Шлэгель, друг с другом могли встречаться «чистые и нечистые», причем сеть контактов и мест встречи была очень плотной.

«Новое Средневековье» на поверку оказывается философски высокопарной, местами даже грубой интерпретацией истории больших перемен в мире вследствие мировой войны и русской революции, «ночной эпохой» мировой истории. Бердяев видит переход от рационализма к иррационализму, носящий необратимый характер и делающий невозможным возврат к мировоззрению и жизненному укладу довоенного времени: «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой

истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разрывной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории. Мы охотно готовы пропеть слова революционной песни «Отречемся от старого мира», разумея под «старым миром» этот мир новой истории, обреченный на гибель».

Такова картина, в которой два сильных впечатления накладываются друг на друга: это память о революции и дикий разгул жизни в мегаполисе, Берлине, в начале расцвета Веймарской республики.

Бердяев обрушивает критику на обе идеологии: «Фашизм... есть в такой же мере моральное средневековье, как и коммунизм». И далее: фашизм «есть непосредственное обнаружение биологической силы, а не права». Шлэгель объясняет успех книги чрезвычайным интересом того времени к России в Европе и особенно в Германии, тем паче в Берлине: большевизм оставался чем-то непонятым, и люди пытались его разгадать.

«Фашизм есть в такой же мере моральное средневековье, как и коммунизм»

Русский Берлин того времени ненадолго стал «русской столицей по ту сторону границ»

ские отношения, наконец, могут стать чем-то большим, чем «негативная политика полюсов» и старая игра, в которой враг моего врага оказывается моим другом. Наконец-то мы вырвались из лихого двадцатого века. Мы свободны».

Вне зависимости от оценки сегодняшней напряженности в отношениях между Москвой и Берлином — а также между Брюсселем и Вашингтоном — бывшие причины раздоров могут дать импульс для размывлений.

Путешествие Шлэгеля во времени, целью которого оказываются 1920-е и 1930-е годы, проливает свет на историю взлетов и падений, культурного блеска и трагических судеб в «мачехе российских городов». Тогда в немецкой столице насчитывалось около 300 тыс. русскоговорящих: это были эмигранты, беженцы-евреи, российские немцы, те, кто мотался между Берлином и Москвой, студенты, бизнесмены, вечные туристы.

Русский Берлин того времени на короткое время стал «русской столицей по ту сто-